

С.А. Шульц

«Шинель»

В «Шинели», самой последней по времени написания повести петербургского цикла, Гоголь предпринимает попытку развить и существенно дополнить ведущие его мотивы. Герой здесь выбран нарочито маленький, мелкий, ничтожный. Тем сильнее давит на него вся громада «северной столицы нашего обширного государства». Но тем и неожиданней эффект посмертного воскресения Акакия Акакиевича и творимые им чудеса.

За внешним убожеством Башмачкин скрывает постоянную внутреннюю работу, тягу к высокому, путь профанированную, но стойкую.

«Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и посмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его».

Чем не средневековый монах, корпящий над переписыванием рукописи в какой-нибудь монастырской библиотеке? В Башмачкине явственно проступают черты религиозной сосредоточенности на любимом деле, смирения и терпимости. Ожидание же шинели как будто бы приподнимает его над реальностью, сосредоточивает на как будто бы потусторонней «идее фикс»:

«...он совершенно приучился голодать по вечерам, но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С тех пор как будто самое существование его сделаться как-то полнее, как будто бы он женился, как будто бы какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто бы он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу... Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель».

Жизнеописание Башмачкина сориентировано, как показали исследования последних лет, и на тип романтического героя, и на житийный закон. Однако если романтический тип героя в финале взрывается («томление» по шинели завершается не торжествующей трансцендентальностью, как у романтиков, а крахом), то правила житийного канона проведены довольно последовательно: страдания и муки «рыцаря буквы» при жизни сменяются посмертным возвращением в мир и творимыми им чудесами: «мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели».

Надо сказать, что финальное чудо предопределено всем ходом повествования «Шинели», самой системой авторского стиля. Показательны уже начальные страницы повести, описывающие рождение героя: «Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. *Покойница матушка*, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась как следует окрестить ребенка. Родильнице предоставили на выбор любое из трех имен... «Нет, — подумала покойница, — имена-то все какие». Ясно, что по отношению к рассказчику ситуация отнесена в прошлое, и матушка Акакия Акакиевича является покойницей на нынешний момент. И все же Гоголь явно играет смыслами, проводя мотив «рождающей смерти». Что касается воскресения Акакия Акакиевича, то он приходит в мир уже не таким, каким он был прежде, а в новом качестве — для новой жизни. Это амбивалентная смерть. Это эсхатологический мотив.

Смысл «Шинели» не будет понят без акцентировки внимания на «значительном лице». «Значительное лицо» — главный оппонент Башмачкина. Башмачкин беден, «значительное лицо» богат, Башмачкин унижен, «значительное лицо» возвышен, наконец Башмачкин прячется, «значительное лицо» выставляет себя напоказ. Финал не только по-

карнавальному меняет их положение (переворачивает), но и примиряет героев. Лишение собственной шинели (*мотив потрясения*) произвело на сановника такое впечатление, что «он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед Вами?», если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело». Финал являет преобразование также и «значительного лица». Он, повторяем, примиряет жертву и виновника, и в этом нам видится симптом гоголевской надежды на гармонизацию и упорядочивание действительности.

Уравнивание малых и великих мира сего намечено уже в следующих словах, непосредственно предшествующих фантастической развязке:

«И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира».